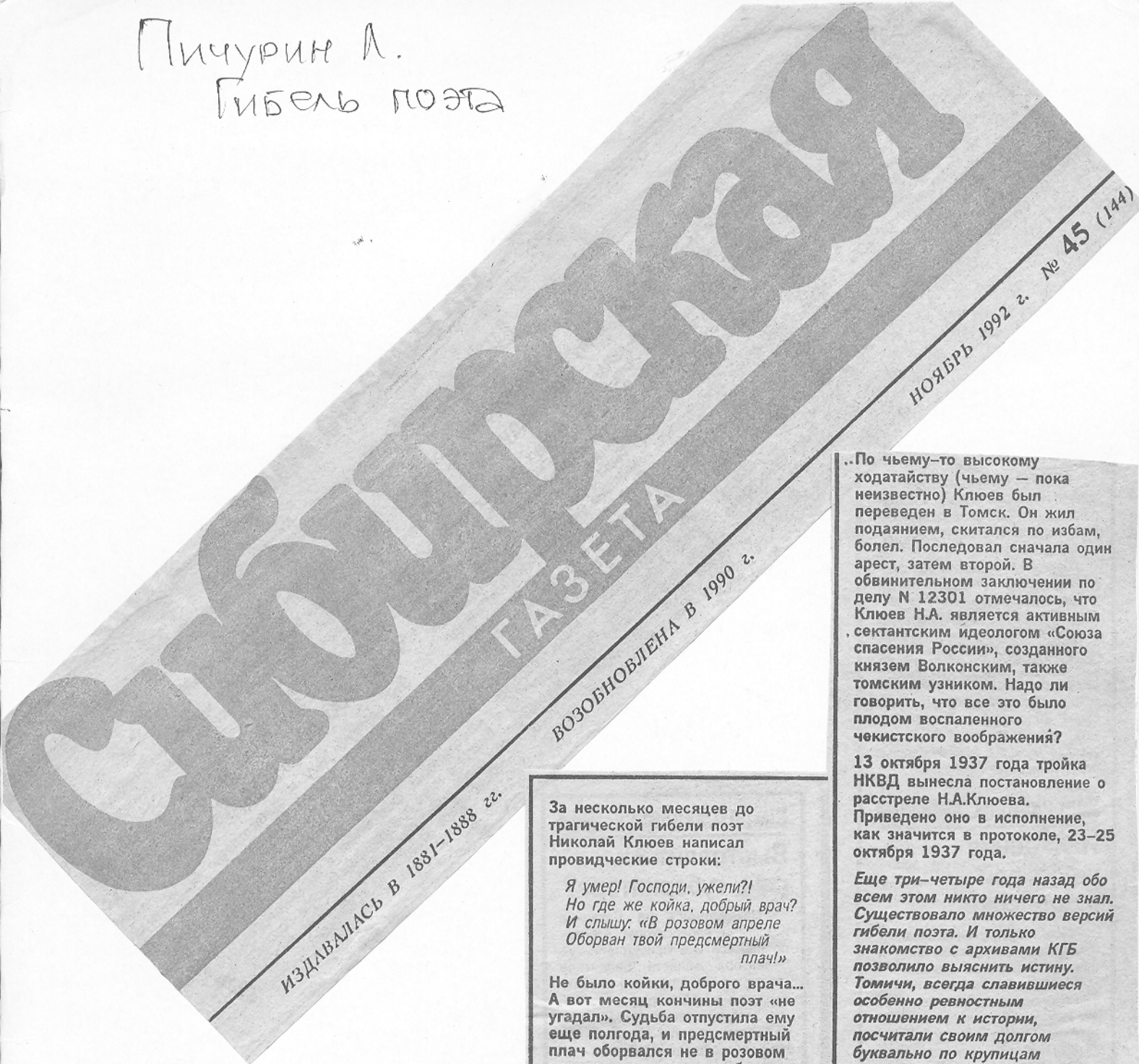

Пичурин Л.
Гибель поэта

ИЗДАВАЛАСЬ В 1887—1888 гг.

ВОЗВОБНОВЛЕНА В 1990 г.

За несколько месяцев до трагической гибели поэт Николай Клюев написал провидческие строки:

*Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: «В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плач!»*

Не было койки, доброго врача... А вот месяц кончины поэт «не угадал». Судьба отпустила ему еще полгода, и предсмертный плач оборвался не в розовом апреле, а в сером октябре. Ровно 55 лет назад.

В 1934 году Николай Клюев был арестован в Москве по стандартному для тех лет обвинению в контрреволюционной пропаганде и приговорен к ссылке в Сибирь. К этому времени он был автором многих книг, восторженно встреченных читателями и собратями по поэтическому цеху. Впрочем, не всеми. Маяковский, к примеру, зачислял Клюева в «мужиковствующих свору». Но то, что его творчество представляло незаурядное явление русской поэзии, было ясно всем.

Вместо славы, почета, признания — ссылка. Поэт оказался в Томской области, в Колпашеве.

«Скажу одно, — писал он друзьям в далекую столицу, — я желал бы быть самым презренным существом среди тварей, чем ссыльным в Колпашеве!»

..По чьему-то высокому ходатайству (чьему — пока неизвестно) Клюев был переведен в Томск. Он жил подаянием, скитался по избам, болел. Последовал сначала один арест, затем второй. В обвинительном заключении по делу N 12301 отмечалось, что Клюев Н.А. является активным сектантским идеологом «Союза спасения России», созданного князем Волконским, также томским узником. Надо ли говорить, что все это было плодом воспаленного чекистского воображения?

13 октября 1937 года тройка НКВД вынесла постановление о расстреле Н.А.Клюева. Приведено оно в исполнение, как значится в протоколе, 23–25 октября 1937 года.

Еще три-четыре года назад обо всем этом никто ничего не знал. Существовало множество версий гибели поэта. И только знакомство с архивами КГБ позволило выявить истину. Томичи, всегда славившиеся особенно ревностным отношением к истории, посчитали своим долгом буквально по крупицам восстановить обстоятельства пребывания Н.А.Клюева в своем городе. Бесспорный лидер здесь — профессор педагогического института Лев Федорович Пичурин. Кстати, не литератор, а математик. Он — автор книг о Федоре Глинке, Галине Николаевой, об Афганистане (несколько лет Л.Ф.Пичурин работал в этой стране советником по образованию).

Николай Клюев стал героем новой книги томского писателя и ученого. Но не спешите направлять на нее заказы. Книга существует в единственном — авторском, машинописном экземпляре. В издательстве нет бумаги, денег. В общем, для людей пишущих история знакомая. Книга когда-нибудь, конечно, выйдет. Изменится, дай Бог, ситуация, найдется спонсор.

А пока мы предлагаем одну из глав будущей книги.

СПРАВКА на арест Клюева Николая Алексеевича

Клюев Николай Алексеевич, 1870 г. рождения, уроженец Ленинградской области, беспартийный, русский, гр. СССР. В г. Томск выслан из Ленинграда за контрреволюционные преступления, по своему прошлому принадлежит к реакционной части поэтов монархического направления, проживает в г. Томске, по ул. Старо-Ачинской, 13, кв. 1.

Имеющимися материалами в Томском горотделе НКВД установлено, что Клюев Николай Алексеевич является руководителем и идейным вдохновителем существующей в г. Томске контрреволюционной, монархической организации «Союз спасения России», в которой принимал деятельное участие, группируя вокруг себя контрреволюционно настроенный элемент, репрессированный Соввластью.

Присутствуя на контрреволюционных собраниях, Клюев выдвигал вопросы борьбы с советской властью путем вооруженного восстания.

Проживая в Ленинграде, Клюев увязался с представителями иностранного государства и продал им свои контрреволюционные произведения, которые, как выяснилось впоследствии, были напечатаны за границей.

Будучи враждебно настроен к существующему строю, находясь в ссылке в г. Томске, Клюев продолжает писать стихи контрреволюционного характера, распространяя их среди некоторых участников контрреволюционной организации.

Установлено, что некоторую часть своих контрреволюционных произведений Клюев переправлял за границу из г. Томска через соответствующих лиц, имеющих связи с представителями иностранных государств.

В целях пресечения дальнейшей контрреволюционной деятельности Клюев Николай Алексеевич подлежит аресту и привлечению к ответственности по ст. 58-2-10-11.

Нач. 3-го Отд. Том. ГО НКВД
лейтенант Госбезопасности
28 мая 1937 г.

Великанов

Эта «Справка» снабжена печатью и подписью военного прокурора 78-й стрелковой дивизии военного ранга Генина. Я не могу объяснить, почему военный прокурор санкционировал арест сугубо гражданского человека.

«Справка» заставляет задуматься о многом. Николай Алексеевич родился в 1884 году в деревне Коштуги. В справке указан 1870 год, Ленинградская область. И это не опечатка — в протоколе от 6 июня 1937 года следователя Горбенко записана та же дата, она же позднее записана и в протоколе заседаний «тройки». Правда, в отличие от справки место рождения указано далее повсюду «дер. Макеево Кирилловского уезда Новгородской губернии». Одно расхождение объяснить нетрудно: родился он в деревне Коштуги Вытегорского уезда, но приписан к деревне Макеево Кирилловского уезда. Но чем объяснить расхождение в год рождения?

Далее. Поэт был арестован 2 февраля 1934 года в Москве, отсюда и выслан, а в справке написано, что выслан из Ленинграда. Правда, в протоколе записано, что выслан из Москвы, но в 1930 году. А ведь протокол собственноручно подписан Клюевым! Не заметил ошибок следователя?

Пункт 14 протокола допроса от 6 июня формулируется так: каким репрессиям подвергался — судимость, арест и др. (когда, каким органом и за что).

Естественным должен бы быть ответ: в 1906 году Олонецким жандармским управлением по обвинению в противоправительственной деятельности заключен в Вытегорский острог, откуда переведен в губернскую Петрозаводскую тюрьму, отбыл шесть месяцев.

А в анкете: «не подвергался». Пожалуй, объяснение простое — не хотелось члену ВКП(б) с 1925 года Горбенко записывать, что посадил он участника событий 1-й русской революции 1905-го года.

Все остальное тоже липа, но зачем врать там, где можно не делать этого? Что это? Доказательство небрежности в проведении следствия, действительно характерной для тех времен? Несомненно. Но мне хочется высказать еще одно предположение, хотя, быть может, оно покажется совершенно неправдоподобным. Николай Алексеевич, несомненно, понимал, что он, большой, без тюрьмы и приговора умирающий, отсюда не выйдет, что он обречен. Но он понимал и неотвратимость возникновения правды. И он умышленно согласился на эту ложь, чтобы мы сегодня уже

Лев Пичурин

„ ГИБЕЛЬ ПОЭТА

К 55-летию гибели Николая Клюева

С. Есенин и Н. Клюев

при первом взгляде на его «дело» поняли, что шито оно белыми нитками.

Протокол первого допроса, кроме установочных данных, ничего интересного не содержит. Собственно, и допроса-то не было, был лишь очень странный в устах следователя вопрос и явно не клюевский — по стилю, по мысли — ответ. Вот они.

Горбенко: Скажите, за что вы были арестованы в Москве и осуждены в ссылку в Западную Сибирь?

Клюев: Проживая в г. Полтаве, я написал поэму «Погорельщина», которая впоследствии была признана кулацкой, я ее распространял в литературных кругах в Ленинграде и в Москве. По существу эта поэма была реакционным антисоветским направлением, отражала кулацкую идеологию.

Вот и все, далее стандартная фраза: «Протокол записан с моих слов правильно и мною прочитан».

Тщательно просматривая дело Клюева, я так и не смог установить, что же происходило с Николаем

вопрос о причинах пропуска записей в деле НАКлюева за четыре месяца 1937 года.

Есть ему и два косвенных подтверждения.

Официально продленный срок содержания Клюева под стражей истек 10 октября 1937 года. Поэтому и возник второй протокол, протокол от 9 октября, а вслед за ним, в тот же день, и обвинительное заключение — дальше затягивать дело было нельзя, ибо это было бы нарушением социалистической законности, на страже которой твердо стояли работники Томского НКВД. Вот и написали они объемистый протокол. Я убежден, что этот протокол составлен из материалов нескольких незафиксированных допросов.

И второе. Увидев впервые протоколы от 6 июня и 9 октября, я вынужден был обратиться к экспертам-криминалистам — очень уж различными были подписи Николая Алексеевича на этих протоколах. Подделка? Но старший эксперт-криминалист УВД Томского облприема майор Е.И. Гольшев, ознакомившись с документами, пришел к выводу, что нет оснований предполагать фальсификацию, однако характер подписей на втором документе позволяет утверждать, что подписывавший находился в тяжелом психическом состоянии. Конечно, не только болезнь привела НАКлюева к этому состоянию.

Массовые аресты лета 1937 года, как я уже сказал, почти ничего следствию не дали, надо было придумывать что-то новое. Не знаю, кто вспомнил о том, что еще в 1936 году Клюев привлекался к ответственности как участник церковной контрреволюционной группировки.

НКВД давно уже активно боролся с церковью. Борьба с религией не так-то просто, а вот с церковью — никаких проблем: церкви — разрушить, священников — пересадить, вот и все. И действительно, церкви в Томске к 1937 году уже почти не

оставалось, хотя священников, бывших и действующих, было еще немало. За них и взялся атеист Овчинников.

Видимо, за весну 1937 года его подчиненные кое-чему научились. Аресты священников произвели быстро, показания записаны аккуратно, все, что нужно, подследственные излагали по первому же указанию следователей. А следователи обязательно спрашивали о Клюеве и записывали показания, из которых вырисовывается мрачный портрет грозного врага народа, монархиста, контрреволюционера, идейного вдохновителя и руководителя и прочая, и прочая, и прочая.

14 августа 1937 года показания дает епископ Ювеналий, в миру Иван Николаевич Зиверт, назвавший себя «активным участником монархической организации церковников с начала 1935 года». В «Союз спасения России» он завербован еще в Москве — факт достопримечательный, ибо до его показаний ССР все же называю

Однако, как учил академик Вышинский, доказывать вину в политических процессах не обязательно, достаточно признания, но его-то все же добиться следует!

И последний, 119-й лист дела № 12301 по обвинению гр-на Клюева Николая Алексеевича.

«Выписка из акта. Постановление тройки УНКВД Запсибкрая от 13 октября 37 года о расстреле Клюева Николая Алексеевича приведено в исполнении 23-25/X мес. 1937 г. в " " час.» Подпись сотрудника оперштаба на этом документе неразборчива.

А за восемнадцать лет до расстрела, отвечая поэтическим и политическим оппонентам, поэт сказал:

По мне пролеткульт не заплачет,
И Смольный не сварит кутью.

Лишь вечность престом обозначит
Предсмертную песню мою.

По Николаю Клюеву действительно не заплакали ни расформированные в тридцатые годы «Пролеткульт» и РАПП, ни сменивший их сталинско-ждановский Союз писателей. Да и в Смольном, увы, варилась уже совсем иная кутья... И в огне, на котором она варилась, горели многие книги, в том числе и книги Клюева...

1991 год, Томск

На фото Владимира Николаева дом № 12 по пер. Красного пожарника в Томске, на котором 25 октября 1990 г. установлена мемориальная доска «Здесь с октября 1934 года по март 1937 года жил в ссылке поэт Николай Алексеевич Клюев. 1884-1937».

Публикуемые отрывки из документальной повести Льва Пичурина легли в основу сценария документального фильма «Николай Клюев. Последние страницы», снятого Западно-Сибирской киностудией.

Есть два страуса одна — Больница,
Клюев — везли, меж них
Клюев — везли, меж них
Клюев — везли, меж них

Блуждая пасмурной опушкой,
Я обронил свою клюку
И заунывно кукушкой.
Стучусь в окно к гробовщику:

«Ку-ку! Откройте двери, люди!» —
«Будь проклят полуночный пес!
Куда ты в глиняном сосуде
Несешь зарю апрельских роз?»

Весна погибла. В космы сосен
Влетает вьюга седина...
Но, слыша скрежет ткацких кросен,
Танусь к зловещему окну.

И вижу: тетушка Могила
Ткет желтый саван, и челнок
Мелькает птицей чернокрылой,
Рождая ткань, как мерность строк.

В вершинах пляска ветродуев,
Под хрип волчицной трубы
Читаю нити: «НАКлюев —
Левец Олонецкой избы!»

Я умер! Господи, ужели?!
Но где же койка, добрый врач?
И слышу: «В розовом апреле
Оборван твой предсмертный плащ!

Вот почему в кувшине розы
И сам ты — мальчик в синем льне!..
Скрипят житейские ободы
В далекой брэнной стороне.

К ним нет возвратного просека.
Там мрак, изгнание, Нарым.
Не бойся савана и волка, —
За ними с лютой Серафим!»

«Приди, дитя мое, приди», —
Запела лютия неземная,
И сердце птичкой из груди
Перепорхнуло в кущи рая.

И первой песенкой моей,
Где, брачной чашей лелея,
Была: люблю тебя, Рязя,
Страна грачных осезей.

И ангел вторил: «Буди, буди!
Благословен родной осеней.
Его, как розы, в сосуде,
Блюдет Христос на Оный День!»

Николай КЛЮЕВ
1937 г.